

УДК 82.02 : 821.161.1"181"

**ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Д. М. КНЯЖЕВИЧА
(ПО ПУБЛИКАЦИЯМ В «САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ВЕСТНИКЕ»
1812 ГОДА)**

Орехова Л. А.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: la.orehova@gmail.com*

В статье впервые рассматриваются ранние произведения Д. М. Княжевича, представленные в журналах «Цветник» и «Санкт-Петербургский вестник» - изданиях, наиболее наглядно отразивших полемические ситуации в историко-литературных отношениях начала XIX века и сыгравших решающую роль в формировании творческой индивидуальности яркого представителя российского просвещения, литератора, критика, издателя.

Ключевые слова: Д. М. Княжевич, журнал «Цветник», «Санкт-Петербургский вестник», «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», критика, переводческая практика.

ВВЕДЕНИЕ

Дмитрий Максимович Княжевич (1788–1844) – яркая личность российского просвещения, литератор, критик, издатель. С 1811 года входил в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», с 1821 – в «Вольное общество любителей российской словесности», причем в 1825 году стал вице-президентом этого Общества; характерно, что А. С. Грибоедова в «Общество любителей российской словесности» рекомендовал именно Д. М. Княжевич – 8 декабря 1824 года [1, с. 291, 336; 6]. Д. М. Княжевич и его младшие братья – Александр, Владислав, Николай – являлись активными членами «Союза друзей просвещения», игравшего значительную роль в литературном быту пушкинской поры [2]. Произведения братьев Княжевичей можно встретить в «Благонамеренном», «Соревнователе просвещения и благотворения», «Полярной звезде», «Невском альманахе». В 1820 году Д. М. Княжевич выпустил фольклорный сборник «Подарок на святки» (СПб., 1820), затем первое русское «Полное собрание пословиц и поговорок» (СПб., 1822) [7], с братьями издавал «Библиотеку для чтения, составленную из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности» (литературные прибавления к «Сыну Отечества», 1822–1823; 16 частей). При этом Княжевичи были успешными чиновниками. Дмитрий Максимович, в частности, поступив в 1802 году канцеляристом в Экспедицию о Государственных доходах, в 1831 году стал директором департамента Государственного казначейства; в 1824 году являлся гражданским вице-губернатором С.-Петербурга; в 1837 году, в почти пятидесятилетнем возрасте, он резко меняет поприще деятельности и, по рекомендации бывшего «арзамасца» С. С. Уварова (министра просвещения), становится попечителем Одесского учебного округа (сюда входили Таврическая,

Екатеринославская, Херсонская губернии и Бессарабская область). Находясь на новой и последней своей должности 7 лет (до самой смерти 1 октября 1844 года), Д. М. Княжевич многое сделал для народного образования в обширном и сложном по национальному составу округе, начал реорганизацию Ришельевского лицея; издавал «Одесский альманах» (на 1839 и 1840 годы), «Новороссийский календарь», возобновил работу «Общества сельского хозяйства Южной России», основал «Одесское общество истории и древностей» и сам редактировал «Записки Общества» [12].

Деятельное стремление Д. М. Княжевича участвовать в литературном процессе, его многочисленные публикации создают о нем представление как о литераторе, активно участвовавшем в полемических ситуациях 1810-1820 годов. Характерно, что Д. М. Княжевич пользовался литературным авторитетом как в «арзамасском» кругу, так и среди представителей «Беседы любителей русского слова». Именно поэтому его литературные ориентиры вызывают сегодня существенный исследовательский интерес.

Первые произведения Д. М. Княжевича появляются в журналах «Цветник» и «Санкт-Петербургский вестник». **Цель** нашей статьи – проследить эволюцию литературных взглядов Княжевича, отразившуюся в этих изданиях, для чего необходимо решить следующие **задачи**: определить логику жанровых преобразований в текстах Княжевича; выявить литературные пристрастия автора; историко-философские критерии, положенные в основу его критического творчества.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Дебютировал Дмитрий Княжевич в апрельском выпуске «Цветника» за 1809 год публикацией историй и изречений в переводе с немецкого языка. «Счастье подобно некоторым знатым людям, которые обыкновенно гораздо охотнее делают подарки, нежели платят долги» [11, 1809, ч. 2, № 4, с. 123], – утверждает молодой автор совершенно в духе сентиментальных «друзей меланхолии», если воспользоваться словами популярного на то время писателя П. Шаликова. Но безоговорочной приверженности сентиментализму у Княжевича не было. В его характере – смелое действие, и потому он достаточно легко и быстро переходит к жанру памфлета, где в основе сюжета – какая-либо нравственно-этическая ситуация, характерная для современности, а завершается этот прозаический этюд нравоучительным выводом. Так, в памфлете «Алгебромания» [11, 1809, ч. 4, № 12, с. 286–294], в противовес суждениям об абсолюте точных наук, говорится о необходимости знания словесности и «своего природного языка»: «Нравственности учатся не по линиям, и свободные науки никакой связи не имеют с наукой об углах» [11, 1809, ч.4, № 12, с. 293]. Поднимая вопросы воспитания, Княжевич, в сущности, высказывает собственное нравственное кредо, как, скажем, в рассказе «Новейший способ воспитания» [11, 1809, ч. 4, № 8, с. 182–190]: «Предмет воспитания <...> не состоит в том только, чтобы молодым людям набивать голову разными родами

знаний, но также и в том, чтобы приобщать их к трудам и работе» [11, 1809, Ч. 3, № 8, с. 183].

В октябре 1809 года появляется стихотворение Д. Княжевича «Утренняя песнь» (Подражание Геснеру) [11, 1809, ч. 4, № 10, с. 16–19], а самым продуктивным оказывается ноябрь, когда в «Цветнике» публикуются его стихотворение «Мой вкус» (Подражание Лантье) [11, 1809, ч. 4, № 11, с. 145–148], нравоучительный рассказ «Лиза» [11, 1809, ч. 4, № 11, с. 148–166], цикл стихотворений в переводе с французского «Ошибки в мифологии» [11, 1809, ч. 4, № 11, с. 191–193], а также восемь историй и изречений в разделе «Смесь».

Если попытаться оценить уровень художнического мастерства Дмитрия Княжевича, то придется констатировать, что в его поэзии более выучки, нежели поэтического воображения. Нет здесь неожиданных поэтических образов, преобладают традиционные рифмы. Может быть, сознавая это, Княжевич обращается к стихотворному переводу, а чаще – к жанру поэтического подражания. Вот несколько образцов поэтического подражания Княжевича из цикла «Ошибки в мифологии»:

*Седой старик Омир сказал, что будто Время
Съедало всех своих детей...
Омир весь век свой жил в пустыне
И мог ли что-нибудь он знать?
Пускай бы посмотрел, как ныне
Умеют время убивать [11, 1809, ч. 4, № 11, с. 191–192].*

Или:

*Напрасно в том нас все Поэты уверяют,
Что будто Феб стихов отец:
Амуру их лишь посвящают,
Ему и слава и венец!
От власти одного Амура
Бессмертие зависит дать:
Когда бы не жила Лаура,
Петрарка нам бы не видать [11, 1809, ч. 4, № 11, с. 193].*

«Подражания», изречения, прозаическая миниатюра оказались весьма органичными для Княжевича, его философски-аналитического ума. Позднее он отставит стихи и будет писать исключительно в прозе, разрабатывая жанры миниатюры, эссе, «путешествия», литературного дневника, мемуаров. А в «Цветнике» он подчас послушно идет за временем, создавая стихи сентиментально-романтического звучания, в которых используются традиционные для поэзии конца XVIII – начала XIX века отвлеченные романтические образы («Аврора золотая», «крылаты сны», «пастушка милая», «зефиры нежные», «лазуревые воды»), изображается грусть одинокого певца-поэта, его безответная любовь к некой абстрактной Людмиле («Утренняя песнь»):

<...>

*Будите милую Людмилу вы от сна.
Увы! она там спит сном кротким, безмятежным.
А я! – со мной тоска одна.*

*Твердите ей, когда жестокая проснется,
Что я уже давно скитаюсь в сих местах,
Что вопль мой по полям, по роцам раздается
И эхо вторит стон в скалах;*

*Что я Природе всей любовь свою вверяю,
Что с ветрами стену, с источником ропщу,
И сострадание во всех я обретаю,
В одной Людмиле не сыщу [11, 1809, ч. 4, № 10, с. 18–19].*

Понятно, что не о какой-то конкретной женщине идет речь. Людмила – абстрактный образ возлюбленной, образ мечты («К Людмиле»):

*Быть может, я с тобой соединюсь навеки,
Быть может, счастье нам назначено судьбой...
[11, 1809, ч. 4, № 12, с. 272].*

При этом сентиментальные поэты начала XIX века испытывают к воображаемой Людмиле не только чувство поклонения, но и глубокое сердечное доверие, дружбу:

*Ах! Успокойся, милый друг!
Чего боишься ты? Что твой смущает дух?
[11, 1809, ч. 4, № 12, с. 272].*

В лирике сентиментального поэта любовь определяет смысл жизни; все иное кажется неважным («К Людмиле, по случаю солнечного затмения»):

*Оставь, прекрасная Людмила,
Оставь небесные светила;
Пусть светят или нет, какая нужда нам?
Что сделают они влюбленным двум сердцам?
[11, 1810, ч. 2, № 6, с. 308].*

Разумеется, приведенные «сентиментальные» стихи не совершенны, но не этими стихами вошел Д. М. Княжевич в историю литературы. В «Цветнике» он прошел «начальную» литературную школу (с опытами удачными и не очень), чтобы уже через год выступить в «Санкт-Петербургском вестнике» с по-настоящему яркими публикациями. В «благородном» литературном труде, как пишет о 1810-х

годах Н. И. Греч, издатель «Сына Отечества», хорошо знавший Д. М. Княжевича и его братьев, Д. Княжевич находил «услаждение, отраду, удовлетворение душевной потребности», «средство к дальнейшему образованию ума и сердца» [3, с. 4]. Потому в числе авторов «Цветника» вступил он в «Общество словесности, наук и художеств», «продолжавшего свою тихую и невидную жизнь под председательством Дмитрия Ивановича Языкова, при непрерывном усердном содействии Александра Христофоровича Востокова» [3, с. 5]. Деятельность общества, продолжает Греч, «оживилась» в 1810 году «преимущественно вступлением в него Дмитрия Васильевича Дашкова, молодого человека с большим умом, дарованиями и образованием»: «В то время усилилась и брала верх школа славянофилов» [3, с. 5]. Вот теперь самое главное: автор воспоминаний подробно останавливается на характеристиках «школы» Шишкова, из чего становится понятной его, Н. И. Греча, концепция видения тех событий: «Партия эта, к которой принадлежали многие знатные лица по связям и дружбе с Шишковым и его приверженцами, усиливалась видимо, но не могла устоять от напора здравого смысла и чистого вкуса. Она господствовала преимущественно в громкой “Беседе Русского Слова”. Противники ее, приверженцы Карамзина, нашли приют в скромном Обществе Русской Словесности, которое <...> вознамерилось действовать решительно. С января 1812 года начало оно издавать в своем направлении журнал *Санкт-Петербургский Вестник*. В этом журнале отличались наблюдательностью и умным изложением синонимы Дм. М. Княжевича, бывшего в числе самых усердных и ревностных сотрудников» [3, с. 6].

Итак, круг «приверженцев Карамзина» – «арзамасский круг» – складывался именно в 1810 годы, и литературные убеждения Княжевича формировались именно в этом кругу. Ведущая роль будущего «арзамасца» Д. В. Дашкова выделена Н. И. Гречем особо. Странно, однако, что Н. И. Греч упомянул среди публикаций Д. М. Княжевича в «Санкт-Петербургском вестнике» лишь «Синонимы», тогда как «арзамасское направление» следует искать в его критических статьях в первой половине 1812 года, написанных под сильным обаянием идей Дашкова.

Характерно, что Княжевич вступил в ВОЛСНХ вскоре после Дашкова – 14 января 1811 года (Д. В. Дашков – 17 декабря 1810 года.), и уже через год (с марта 1812 года) вошел, вместо Н. И. Греча, в состав Комитета для издания трудов членов Общества и рецензирования прочитанных на собраниях Общества произведений. Но в чем конкретно проявилось влияние Дашкова на молодого Княжевича?

Известно, что в конце 1810 года в «Цветнике» (№ 11-12) Д. В. Дашков выступил с нашумевшим критическим материалом «Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика», где, по сути дела, стремился продемонстрировать лингвистическую «нечуткость» автора «Перевода...» А. С. Шишкова. Не имея возможности подробно останавливаться на этой статье, отметим лишь, что, наряду со справедливыми упреками в неточности переводов А. С. Шишкова, статья Д. В. Дашкова, на наш взгляд, написана запальчиво и содержит оценки спорные. Но тогда сам факт появления такой статьи (причем против авторитетного лингвиста) произвел эффект разорвавшейся бомбы. Можно предположить, что «вызов» Дашкова всякой литературной и лингвистической недобросовестности был

поддержан Княжевичем. Случайно ли, что «синхронно» с растущей популярностью Д. В. Дашкова появляются критические статьи Д. М. Княжевича.

Так, № 1 «Санкт-Петербургского вестника» открывается статьей Д. В. Дашкова «Нечто о журналах» (с. 1–21). Заметим: статья помещена не в раздел «Критика», а в первый раздел – «Словесность»; таким образом, она «открывает» все издание, обретая значимость программной. По оценке В. Э. Вацура, эта статья обосновывает «просветительский взгляд» на критику «как на способ формирования общественного мнения, очищения нравов и просвещения общества» [9, с. 69]. «Главной целию» любого издания, считал Д. В. Дашков, «должна быть критика»: «Издатель знакомит читателей своих с новейшими произведениями отечественной словесности (а иногда разбирает и старые, когда почтет их достойными особенного внимания), показывает их красоты и недостатки, сравнивает и т. п. Суд его должен всегда быть умерен и беспристрастен. Смело и с удовольствием хвалит он, что есть хорошего в посредственных писателях; смело, но с прискорбием и уважением замечает недостатки в известных. Он никого не оскорбляет язвительными словами или презрением и весьма осторожно употребляет опасное оружие насмешки; но ничто не удержит истинного литератора восставать против злоупотреблений и расколов, вводимых в язык наш» [10, ч. I, № 1, с. 1–2]. Стоит отметить, что, помимо профессиональных, Дашков сформулировал в конце статьи и этические законы для «журналиста»: «Более всего журналист должен остерегаться пристрастия или гнусной зависти к великим дарованиям. Заблуждения и ошибки простительны – они суть неизбежный удел наш, но зависть неотменно влечет за собою всеобщее презрение!» [10, ч. I, № 1, с. 21].

Ровно через месяц, в № 2 «Санкт-Петербургского вестника» в разделе «Критика» помещена статья Д. М. Княжевича «Известие о новом французском романе: *Les souterrains de la Roche de Baume, ou le Fantome et les Brigands*. 3 vol. in 12. A Paris, chez Lerouge, Pigoreau et Normant». Статья подписана «-чъ» и находится на с. 239–250, т. е. непосредственно после рецензии Д. В. Дашкова на книгу «Анекдоты г. Волтера, часть I и II. Москва, у Решетникова. 1810 и 1809» (с. 233–238). Немаловажно, что прочитаны оба материала на заседании ВОЛСНХ в один день – 15 февраля 1812 года. Княжевич обращается к актуальнейшей для русского просвещения проблеме, демонстрируя бездарность и пустоту огромной массы завезенной в Россию французской беллетристики. Страстная, саркастичная манера письма весьма напоминает манеру Дашкова, особенно при пересказе рецензируемого романа: «Один ревнивый муж закалывает жену свою, потом закалывает кормилицу своей дочери; он бы переколот и многих других, если бы подоспевшая ночь не воспрепятствовала ему и не остановила мужественных его деяний. <...> Среди ея мрака сей *несколько грубый* муж начинает рассуждать, что *несколько строгое* наказание, сделанное им жене, может иметь не очень приятные для него следствия. <...> Тrepеша, как лист, он схватывает дочь и убегает в ближний лес. Едва входит в оный, как поднимается нарочно для него буря с ужасным ревом. Мрак умножается...» и т. д. [10, ч. I, № 2, с. 245–246]. Приведя целый ряд подобных «ужасных» сцен, Княжевич поясняет свою тревогу: «Кто-нибудь из тех писателей, которые ревностно снабжают нас переводами таких

бессмертных сочинений, каковы *Полночный колокол*, *Целина*, *Видения в Пиренейском замке* и проч., и проч., доставит нам удовольствие читать и сей роман на русском языке. Без сомнения, наши книгопродавцы, заказав перевести оный, распишут о достоинстве его в «Ведомостях» обеих столиц с величайшею подробностью, а любители *пещер*, *разбойников*, *привидений* и *чертей* увеличат оным свои библиотеки.

Стыдно писать, но еще стыднее переводить такие вздорные книги!» [10, ч. I, № 2, с. 250].

Еще более соответствует пафосу Дашкова большая (с. 207–220) критическая статья Княжевича (подписана «*К.*») в майском номере «Санкт-Петербургского вестника» – «Характеры, или Свойства различного состояния людей нынешняго времени. Сочинение г. Лабрюйера. Перевод с последнего французскаго издания. В двух частях. Москва. В типографии Селивановскаго. 1812». Как и Дашков, Княжевич прибегает к декларациям, формулируя, в частности, обязательные для переводчика «правила»: русскому переводчику надлежит «обратить внимание свое на два предмета: *первое*, чтоб изображать мысли сочинителя сколь возможно точнее, и *второе*, чтобы изображать их так же остроумно, с такою же силою, с таким же красноречием, как они написаны, и выбирать для каждой особливый, приличнейший ей по свойству языка нашего оборот» [10, ч. II, № 5, с. 209]. И далее он, как и Дашков, приводя цитаты («утомительные выписки») из рецензируемого текста, реагируя на всякую лингвистическую неточность, как музыкант на фальшивую ноту, детально, на многих страницах демонстрирует поверхностное знание французского языка и вопиющую лингвистическую беспомощность переводчика, приведшие к нарушению «здравой логики», «бессмыслице», «обезображиванию» оригинала: «Какой слог! И это говорит Лабрюйер, один из красноречивейших французских писателей!..» [10, ч. II, № 5, с. 219]. «Сверх того», замечает Княжевич, переводчик «перепортил почти все собственные имена», неправильно записав их в русской транскрипции. Наконец, резюмирующая оценка перевода: «Переводчик не только не представил нам мыслей автора с надлежащею точностию, но во многих местах обезобразил их; не понимал подлинника; прибавлял собственные свои мысли (а многие места пропускал: сравните главу *о женищинах*, в которой без всякой нужды выпущены целые страницы); поступал против здравого смысла; не знал многих французских слов; не знал хорошо русского языка и, наконец, не знал даже грамматики» [10, ч. II, № 5, с. 219].

Несомненным представляется следующее. По характеру и воспитанию Д. М. Княжевич был человеком чрезвычайно ответственным, основательным, добросовестным, взыскательным к себе. Критические статьи Д. В. Дашкова «указали» ему направление деятельности, способствовали литературной активности и воспитанию критического мастерства. Но главное, что без доли скепсиса уловил Княжевич в статьях Дашкова, – это призыв к совершенствованию – себя, литературы, общества. В то же время полемику со «школой» Шишкова Княжевич, кажется, воспринял не как противостояние, а как научный спор, явление естественное в просвещенной среде.

Может быть, определенным откликом на литературные раздоры стало рассуждение Д. Княжевича «Спорщик», опубликованное в № 7 «Санкт-Петербургского вестника». Главное, пишет он, чтобы полемизирующие стороны любили предмет спора, а не спорили «о подробностях», «не могли опровергнуть целого», – с мыслью «не только победить, но и торжествовать» [10, ч. III, № 7, с. 21]. «Решительный тон, гордое обхождение, явная несправедливость, притворство не понимать <...>, чтоб не быть принужденным отвечать, ложные одобрения слушателей предубежденных или желающих льстить, – вот важные <...> причины, чтоб не уступать, употреблять все средства к поддержанию своего мнения, спорить так же несправедливо, отделяться плоскими шутками, одним словом, поступать сколь можно хуже» [10, ч. III, № 7, с. 21–22], – эти наблюдения над психологическими «спутниками» спора, возможно, есть горестная реакция Княжевича на ряд ситуаций в ВОЛСНХ, особенно когда началась Отечественная война: текст был прочитан на заседании Общества 18 июля 1812 г., когда французы приближались к Смоленску и когда царь подписал манифест о создании народного ополчения.

Не исключено также, что в этом отрывке кроется и ответ на вопрос: почему через несколько лет, 22 мая 1823 г., на публичном собрании «Вольного общества любителей российской словесности» в доме Г. Р. Державина, после острых прений в Обществе, когда, по выражению А. Е. Измайлова, «новая школа вооружилась против старой, партия против партии» [1, с. 293], Д. М. Княжевич читает стихи как бывшего «арзамасца» В. А. Жуковского, так и бывшего «беседника» графа Д. И. Хвостова [8], за обидные шутки над которым 18 марта 1812 года из ВОЛСНХ был исключен Д. В. Дашков.

ВЫВОДЫ

Рассмотренные нами публикации Д. М. Княжевича в журналах «Цветник» и «Санкт-Петербургский вестник» дают представление о творческих исканиях, приведших молодого автора от подражательных сентиментальных интенций в поэзии к зрелому полемическому анализу, проявившемуся в статьях 1812 года. На наш взгляд, статьи Д. В. Дашкова, даже при их спорности, имели решающее влияние на литературные воззрения, манеру письма и стиль Д. М. Княжевича.

Список литературы

1. Базанов В. Ученая республика / В. Базанов. – М.-Л.: Наука, 1964. – 469 с.
2. Вацуро В. Э. С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры / В. Э. Вацуро. – М.: Книга, 1989. – 415 с.
3. Греч Н. И. Воспоминания о Дмитрие Максимовиче Княжевиче / Н. И. Греч. – СПб., 1860. – 24 с.
4. Дашков Д.В. Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика [Электронный ресурс] / Д. В. Дашков. – Режим доступа : http://az.lib.ru/d/dashkow_d_w/text_0030.shtml.
5. Минаков И. Дмитрий Максимович Княжевич / И. Минаков // Новороссийский календарь на 1860 високосный год. – Одесса: В городской типографии, 1859. – С. 464–469.
6. Орехова Л. А. Грибоедов и Княжевичи / Л. А. Орехова // А. С. Грибоедов. Хмелитский сборник. – Смоленск, 1998. – С. 272–282.

7. Орехова Л. А. О собраниях пословиц В. И. Даля, Ф. И. Буслаева и Д. М. Княжевича / Л. А. Орехова // В. И. Даль – писатель и этнограф: Сб. научных трудов, посвященный 200-летию В. И. Даля. – Торжок, 2003. – С. 103–114.
8. Орехова Л. А. Д. М. Княжевич – организатор публичного собрания в доме Г. Р. Державина / Л. А. Орехова // “...Он видит Новгород Великой...” Материалы VII Международной пушкинской конференции «Пушкин и мировая культура. Великий Новгород, 31 мая – 4 июня 2004 г. – СПб. – Великий Новгород, 2004. – С. 295–307.
9. Поэты 1820–1830-х годов. Т. 1. – Л.: Советский писатель, 1972. – 792 с.
10. Санкт-Петербургский вестник, издаваемый Обществом любителей словесности, наук и художеств. Ч. I–IV. № 1–10. – СПб.: В Морской типографии, 1812.
11. Цветник. – СПб, 1809-1810.
12. Яковлев В. Д. М. Княжевич / В. Д. Яковлев // Русский биографический словарь / под ред. А. А. Половцева. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1903. – Т. IX. – С. 10–12.

**LITERARY AND CRITICISM VIEWS OF D. KNYAZHEVICH
(BY PUBLICATIONS IN “ST. PETERSBURG GAZETTE”, 1812)**

Orekhova L.

The article analyzes the literary-critical views of Dmitry Knyazhevich, discusses his early works that was presented in the magazine "Flower Garden" and "St. Petersburg Gazette" - editions, most clearly reflected the polemical situation in the historical and literary relations XIX beginning of the century and played a decisive role in the formation of creative individuality bright representative of Russian enlightenment, writer, critic, publisher.

Key words: D. M. Knyazhevich, magazine "Flower", "The Free Society of Lovers of Literature, Science, and the Arts", "St. Petersburg Gazette", criticism, translations.